

Глаза девчонки семилетней
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжкая тоска.
Она молчит, о чем ни спросишь,
Пошутишь с ней, — молчит в ответ.
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет.
(А. Барто)

Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
Как следует мужчине.

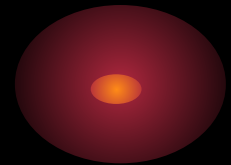
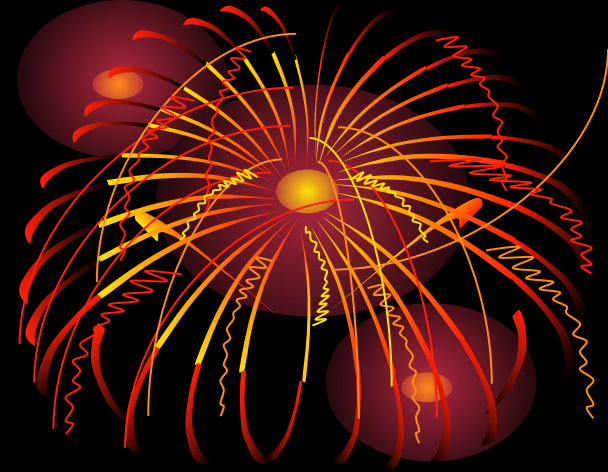
Мать вечно на работе.
Квартира опустела.
Но в доме для мужчины
Всегда найдётся дело.

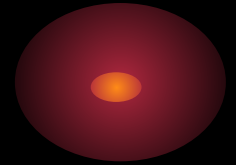
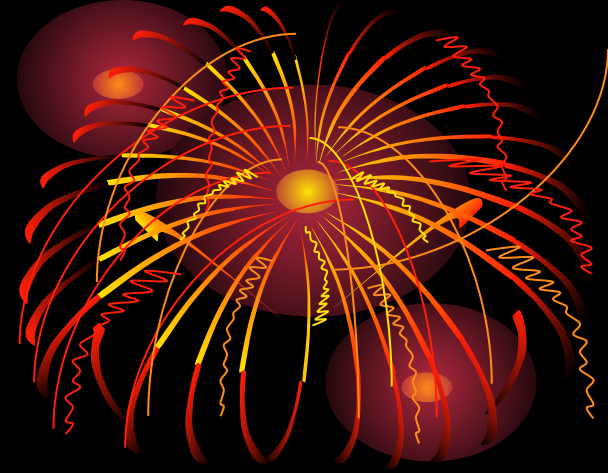
Полны водою вёдра.
Подметена квартира.
Посуду мыть несложно —
На ней ни капли жира.

С трёх карточек талоны
Стригут мне в гастрономе.
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.

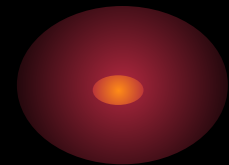
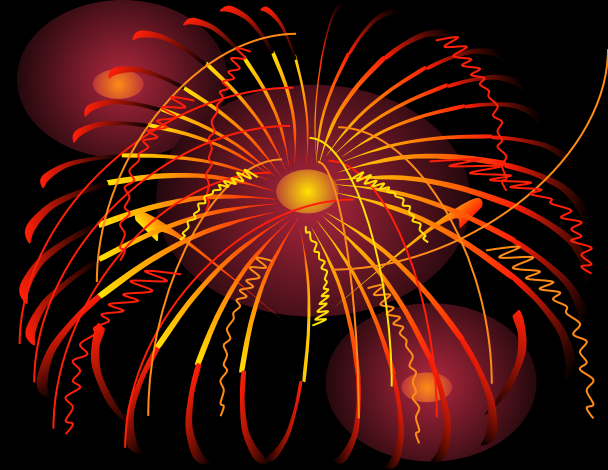
Я искренне уверен,
Что стал отцу заменой.
Но в жизни той далёкой,
Блаженной, довоенной,
Отец не занимался
Подобными делами.
Мать заменила папу.
Я помогаю маме.

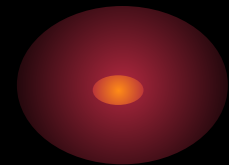
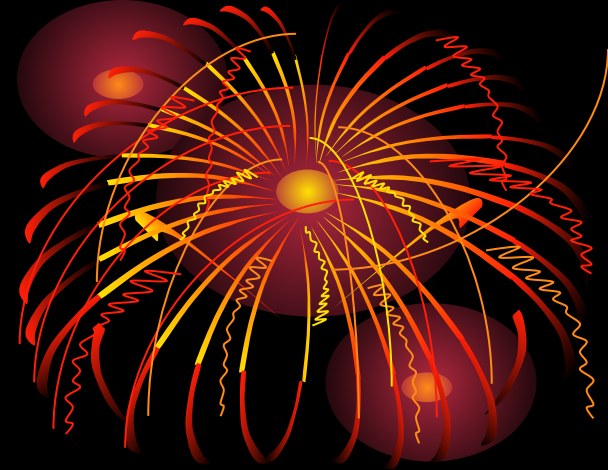
(В. Берестов)

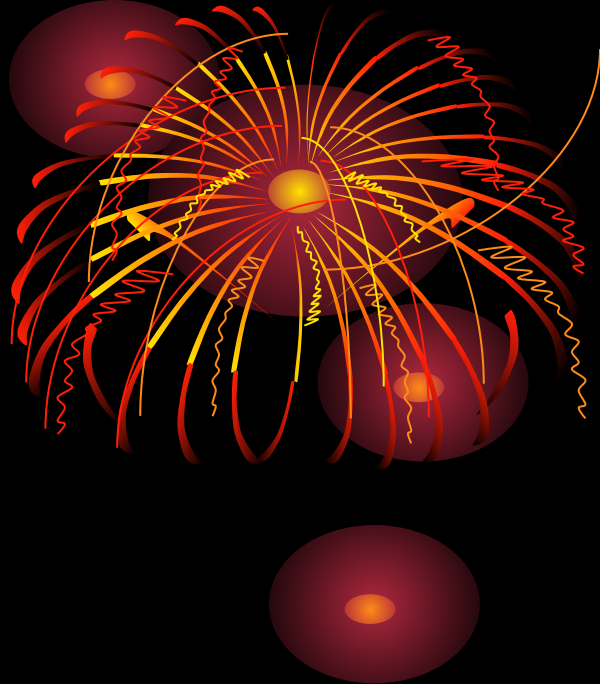

Занесенный в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.
Его номер по книге
"Три тысячи двести девятый".
"Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой..."
Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове? В Вене?
Кто носил его? Владек?
Или русская девочка Женья?..
Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
"Три тысячи двести девятый"?
Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги
В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежду убитых считали?
Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.
Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...
Час расплаты пришел!
Палачей и убийц — на колени!
Суд народов идет
По кровавым следам преступлений.
Среди сотен улик —
Этот детский ботинок с заплатой.
Снятый Гитлером с жертвы
Три тысячи двести девятой.
(С. Михалков)

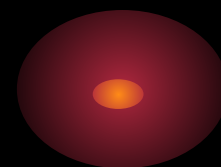
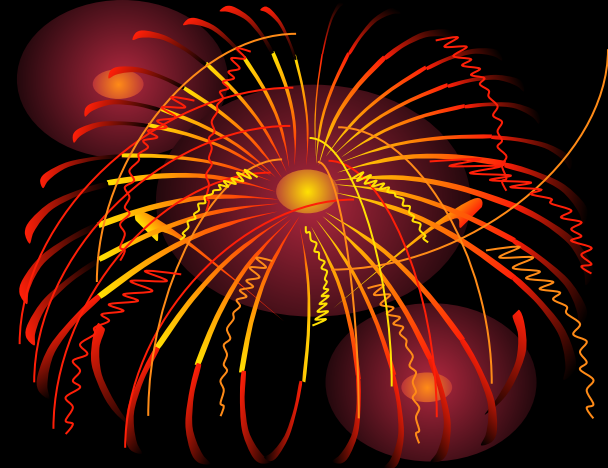
- Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

- (Б. Пастернак, **1941 г.**)

Много нынче в памяти потухло,
а живет безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных путях.

Над платформой пар от паровозов
низко плыл, в равнину уходя...
Теплый дождь шушукался в березах,
но никто не замечал дождя.

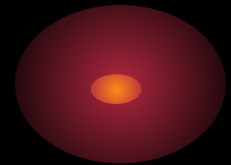
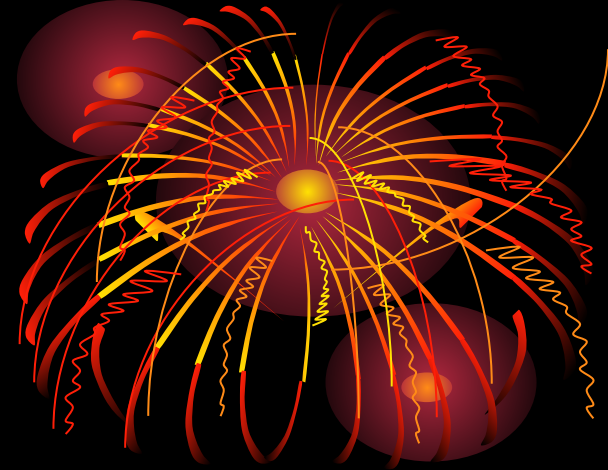
Эшелоны шли тогда к востоку,
молча шли, без света и воды,
полные внезапной и жестокой,
горькой человеческой беды.

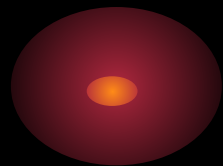
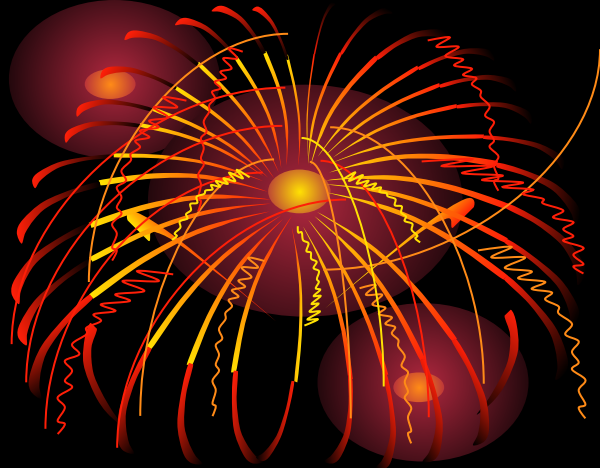
Девочка кричала и просила
и рвалась из материнских рук,—
показалась ей такой красивой
и желанной эта кукла вдруг.

Но никто не подал ей игрушки,
и толпа, к посадке торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся грязь.

Маленькая смерти не поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
дотянулась до нее война.

Некуда от странной мысли деться:
это не игрушка, не пустяк,—
это, может быть, обломок детства
на железных скрещенных путях.
(В. Тушнова, 1943)

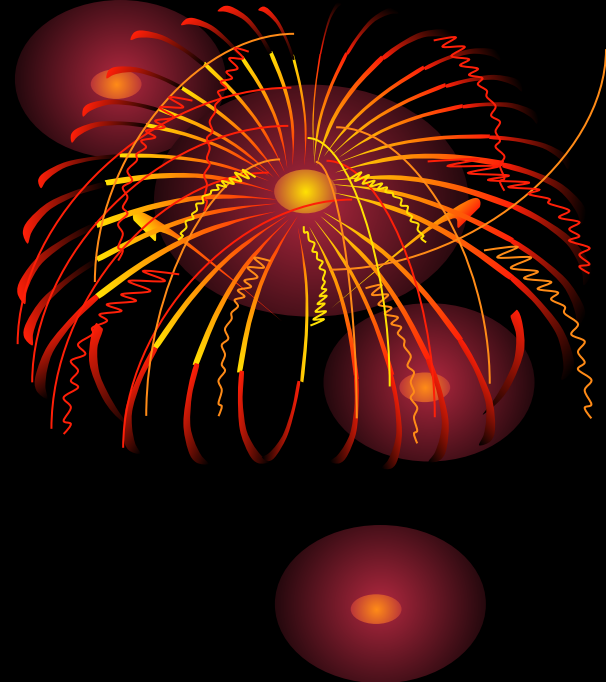
Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

(Б. Пастернак, 1941 г.)

- В пилотке мальчик босоногий
С худым заплечным узелком
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим пайком.

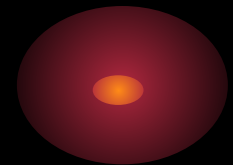
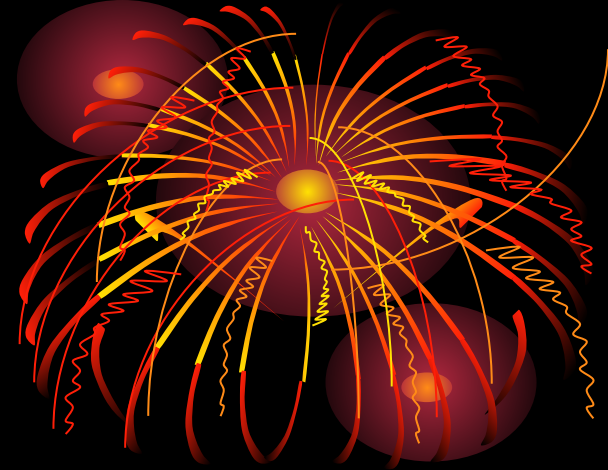
Горбушка хлеба, две картошки –
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони крошки
С великой бережностью – в рот.

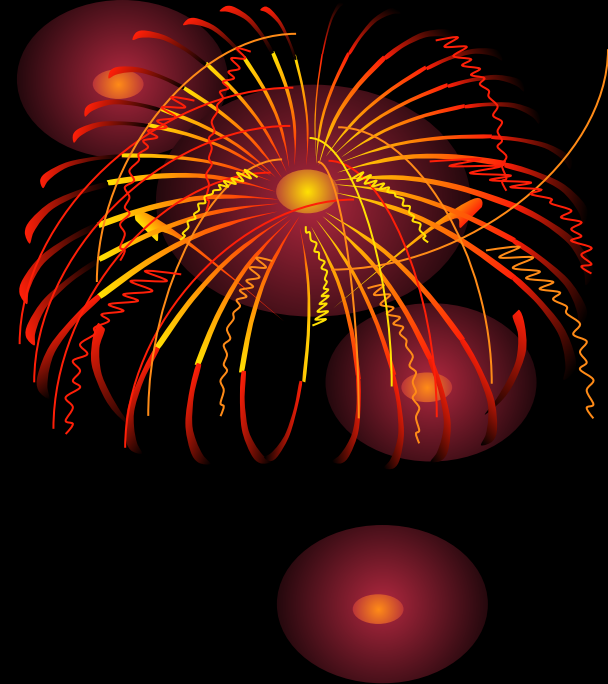
Стремглав попутные машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался мужчина.
– Сынок, должно быть сирота?

И на лице, в глазах, похоже, –
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый всё про то же,
И как им спрашивать не лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
– Ну, сирота. – И тотчас: – Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.

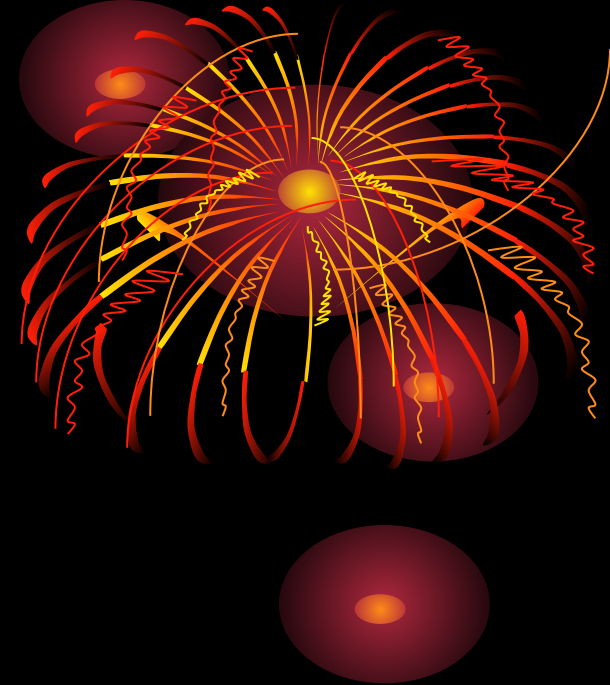
- (А. Твардовский)

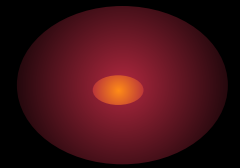
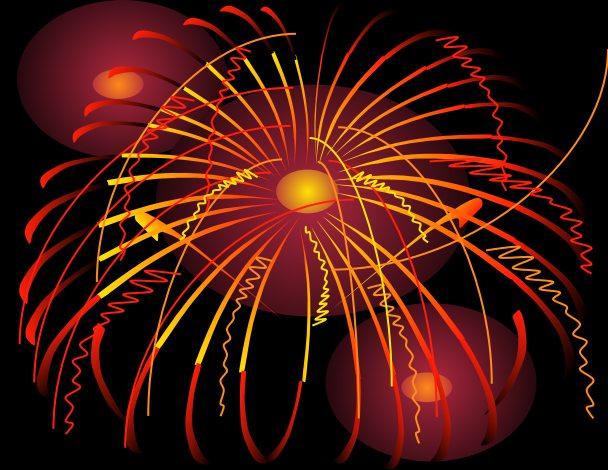

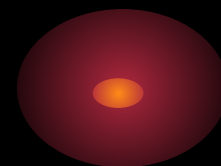
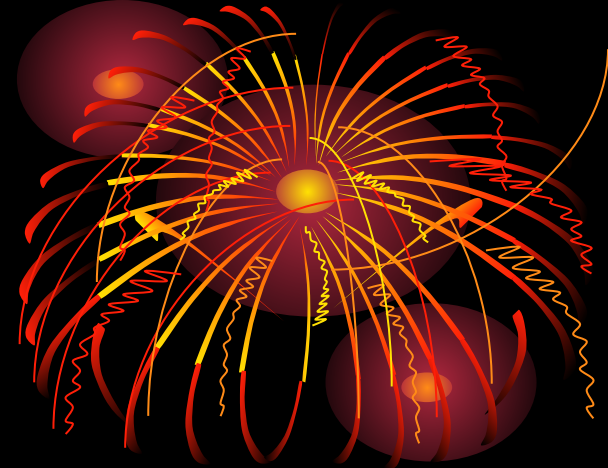

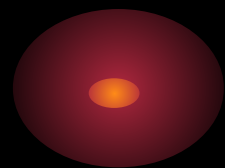
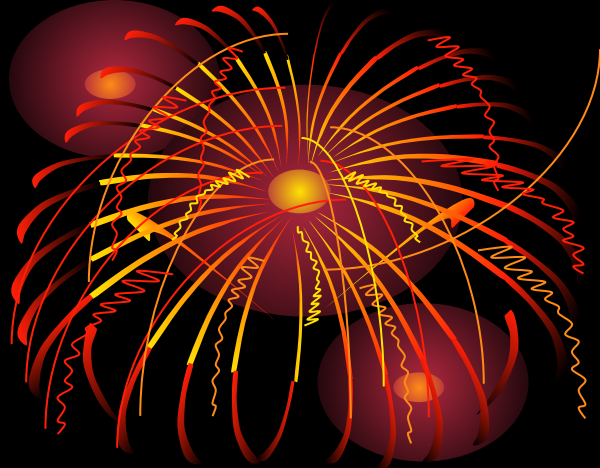
- Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись ребёнок –
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы –
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик без слёз,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс.
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспех вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребёнка на снегу.
- *(С. Маршак)*

• Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля...
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг, —
Прижались к матерям, цепляясь за подолы.
И выстрела раздался резкий звук...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама...
(Муса Джалиль)

Поклонимся великим тем
годам...

